

Цзи Цинбай вспомнил о том волчьем клыке и очень боялся, что император подарит ему целую пару, но не осмеливался отказаться, поэтому лишь слабо закрыл глаза, делая вид, что не слышит.

Тань Чжан легко увидел его мелкие мысли, тихо усмехнулся и протянул руку, чтобы погладить его по загривку.

Это было похоже на кошку, которую схватили за шкуру. Цзи Цинбай чувствовал себя несправедливо, но всё его тело неконтролируемо обмякло. Император долго массировал это место, и когда отпустил, Цзи Цинбаю показалось, что кожа там должна была стереться.

Об инциденте с убийцей Цзи Цинбай не проронил ни слова. Хотя у него не было опыта в политических интригах, он понимал, что нужно избегать подозрений. Почтенный Будда — избранник Неба, никто не может пошатнуть драконий трон под ним. Но люди... жадность, гнев и заблуждение — это семь эмоций и шесть желаний, без безумных мыслей как же быть человеком.

Даже если в дворе не было Цзи Мина, за пределами двора были другие. Судьбу Цзи Мина Цзи Цинбай уже видел, ничего особенного. Но тех, что за пределами двора, он ещё не имел возможности увидеть, нужно найти время, чтобы взглянуть одним глазком.

Что касается того, почему обязательно нужно взглянуть этим одним глазком, это тоже долгая история.

Такие верховные боги, как Цзи Цинбай, всё ещё находятся в пределах шести миров. Каждую тысячу лет они должны пройти испытание, следуя кармическим связям. Его вражда с Бай Чао возникла из-за ошибки в испытании прошлой тысячи лет.

Прохождение испытания — это иногда не кармическая связь одного божества. Если повезёт, несколько мелких богов и бессмертных поссорятся, это не окажет большого влияния, не породит злой кармы. Но если не повезёт и встретишь, например, древнего великого демона, то даже такой верховный бог, как Цзи Цинбай, может столкнуться с непреодолимым испытанием.

Цзи Цинбай сам не помнил. Когда он завершил испытание и вернулся в Обитель Будды, Тань Чжан говорил об этом легко. Позже, встретив Бай Чао, журавль, редко принимающий человеческий облик, заново собирал свой Алый лотос судьбы. Его взгляд при встрече мог содрать шкуру с пожирателя снов.

После этого Бай Чао начал с ним конфликтовать. Но когда Цзи Цинбай попытался расспросить подробнее, оказалось, что на того наложили запрет говорить. Он молчал снова и снова, не смея жаловаться по-настоящему. Цзи Цинбай смог лишь по кусочкам собрать общую картину: во время его испытания, должно быть, встретился великий демон в цикле перерождений, и он чуть не выдержал испытания. Тань Чжан в Обители Будды, узнав об этом, лично спустился в Нижний мир и вмешался в его судьбу. После такого вмешательства Почтенного Будды испытание Цзи Цинбая прошло мирно и безопасно, но кармический цикл в пределах шести миров внезапно пошёл вразнос. Повелитель Судеб Алый Лотос и вовсе не выдержал безмерной печати Дхармы Тань Чжана и разлетелся на куски, небо рухнуло, земля раскололась. По словам Бай Чао, в то время он был готов пожертвовать собой, чтобы вновь принять управление судьбами, лишь бы не собирать этот Алый Лотос сотни лет.

После завершения испытания, кармические связи и грехи иссякли. Цзи Цинбай совершенно не помнил, что произошло с ним и тем великим демоном в Нижнем мире, и не знал, что сделал Тань Чжан, чтобы спасти его. Последующие десять тысяч лет Почтенный Будда по-прежнему

оставался тем чистым, холодным, высоким и элегантным Буддой на лotosовом троне. Время от времени он опускал глаза, и его взгляд на Цзи Цинбая был без печали, без радости, без гнева, без привязанности.

Если уж настаивать на различиях, то, пожалуй, количество дней в месяц, когда Тань Чжан спускался с лotosового трона, увеличилось на один-два дня.

Даже спустя столько времени в Обители Будды, Цзи Цинбай сохранил привычки своей изначальной формы из человеческого мира. Обитель Будды бесчисленна, и пожирателя снов, жадного до еды и сна, всегда можно найти в плодовых рощах, где много речных деликатесов. Неизвестно, когда Тань Чжан выяснил эту закономерность, но Цзи Цинбай, даже не находясь на дежурстве, мог быть вытаскен начальником из бесчисленных обителей Будды. Дни переработки проходили весьма удручающе.

Только позже Цзи Цинбай обнаружил, что Тань Чжан вытаскивает его не только для того, чтобы поспать.

Плодовый лес огромен, как небесный ковш. Посредине — бирюзовое озеро, соединённое с высоким водопадом, речными мелкими ручьями, густой зелёной травой, тенистыми деревьями. Во время цветения аромат разливается по всему небу, наполняя страну красотой.

Цзи Цинбай обычно любил рыбачить у озера. Под деревом магнолии ветер был полон цветочного аромата, разноцветные лепестки падали ему на голову и лицо, подхваченные течением ручья, кружились и уплывали вдаль. Позже место у озера занял другой человек. Тань Чжан босой, на его лодыжках золотые Колокольчики Забвения звенят, словно родниковая вода, остановились среди того ковра опавших лепестков.

Цзи Цинбай считал, что его предпочтение магнолиям не было безосновательным. Кто бы ни видел такую красоту десятки тысяч лет, раз она попала в глаза и проникла в сердце, её обязательно хочется забыть, но забыть невозможно. Его изначальная форма — пожиратель снов, жадный до сна и еды, в его изначальной душе есть древняя божественная лампа, ясная и мудрая, поэтому даже за десятки тысяч лет он не ослеп от красоты, не помешался на облике Будды.

Ныне в земном Павильоне Кошмаров то дерево магнолии следующей весной обязательно будет покрыто цветами, гнуть ветви, аромат будет длиться годами. Цзи Цинбай снова подумал о десяти тысячах лет в Обители Будды, потоке времени, и немного пожалел, что, вероятно, не увидит этого.

После возвращения во дворец Тань Чжан оставил его в Чертоге Юйлун. Сказать «оставил» — менее точно, чем сказать «запретил». Вещи из Павильона Кошмаров перевезли в покои императора, даже книжки с картинками, которые он тайком через служанок выписывал из-за пределов дворца, попали в руки Тань Чжана.

Цзи Цинбай, увидев, как император вечером читает его книжки с картинками, испытал некоторое смущение.

Тань Чжан скучающе перелистал несколько страниц. Это были не истории о талантливых учёных и прекрасных дамах, а записи о божествах и чудесах. Поэтому он отбросил их в сторону, велел Цзэн Дэ унести.

Цзи Цинбай с тоской смотрел вслед, сердце его болело.

Позже Цзэн Дэ снова принёс лекарство.

Цзи Цинбай...

Император кратко приказал:

— Пей.

Цзи Цинбай мог лишь закрыть глаза и выпить всё залпом, булькая.

После того как он выпил, он скривился, разгоняя горечь, и увидел, как его служанка вносит новую сшитую грудную повязку. Император взглянул на неё, замедлился на мгновение, но не стал расспрашивать.

У Цзи Юй ещё одна грудная повязка осталась в руках Тань Чжана. Император не удержался, бросил взгляд на её грудь. Эта особа очень не любила носить такую облегающую одежду, могла, пока он не видит, украдкой стянуть её, думая, что он не знает. Не ведая, что при близком контакте эти две пышные груди трудно не заметить.

Тань Чжан, сам не зная почему, снова вспомнил того плоскогрудого охранника в пещере той ночью, и его взгляд невольно скользнул к талии Цзи Цинбая.

Всё ещё слишком тонкая, подумал он, нужно откормить ещё.

Хотя он и был под запретом, жизнь Цзи Цинбая была комфортной.

Цзэн Дэ теперь почитал его как бодхисаттву. Стоило выйти прогуляться, как за ним следовала целая свита, словно театральная труппа. Тань Чжан теперь каждый день присутствовал на утренних приёмах, был очень усерден в управлении и любил народ. Цзи Цинбай смутно слышал, что власть Цзи Мина сильно урезали, снаружи всегда были движения, пытающиеся донести до него информацию, но Цзи Цинбай делал вид, что ничего не знает.

Однако от первого числа можно укрыться, от пятнадцатого — нет. В дворце праздновали Новый год, по правилам родственники из внутренних покоев могли войти во дворец, чтобы разделить семейный пир. При нынешнем положении и благосклонности к Цзи Юй, Цзи Мин, несомненно, имел статус государева тестя. Такого лица Тань Чжан не мог не сохранить.

За последние полгода Цзи Цинбай значительно поправился, но талия всё ещё была тонкой. Он обнаружил, что тело Цзи Юй, даже поправляясь, всё чётко распределяло, где должно быть полнее, а где нет.

Чертог Юйлун отличался от Павильона Кошмаров, позади были посажены бамбуковые рощи, такие же, как в Зале Высшей Гармонии. Цзи Цинбай ходил туда несколько раз, не нашёл ничего интересного и не очень хотел гулять. В результате через несколько дней служанки снова уговорили его прогуляться. Цзи Цинбай, не в силах противостоять их приставаниям, пошёл и обнаружил, что бамбук в неизвестное время вырубил и полностью заменили на деревья магнолии.

Если на юге погода тёплая, период цветения магнолий может прийтись на новогодние праздники. Цзи Цинбай изначально думал, что, покинув Павильон Кошмаров, точно не увидит, но не ожидал, что всё-таки сможет увидеть. Половина красных, половина белых лепестков изящно и нежно цвели на ветвях. Цзи Цинбай сидел под деревом, тихо глядя вверх.

Тань Чжан, вернувшись после утреннего приёма, поспешил во дворец и, придя назад, увидел именно такую картину.

Цзэн Дэ не смел беспокоить, бросил взгляд на людей, сопровождавших Цзи Цинбая, и все молча удалились, оставив пространство и покой для двоих.

Цзи Цинбай обернулся и увидел Тань Чжана в чёрном драконьем халате, набросившем поверх белоснежную лисью шубу, стоящего под цветущим деревом.

В последнее время император одаривал его бесчисленными вещами, словно потоком. Сегодня у Цзи Цинбая, кроме этого наряда, жаровня в руках и подушка под ногами были выбраны и присланы лично Тань Чжаном за последние дни. Просто он действительно не умел разбираться в украшениях и заколках, поэтому на голове и запястьях было пусто.

— Ваше величество, — Цзи Цинбай поднялся навстречу Тань Чжану.

Сегодня был семейный пир, он переоделся в роскошные одежды, выбранные служанками, спереди и сзади вышитые узорами фениксов.

Согласно правилам, до получения титула Цзи Юй не была ни хозяйкой средних покоев, ни могла занимать положение императрицы. Носить халат с фениксом должно было быть нарушением правил, но Тань Чжан лишь взглянул и ничего не сказал.

— Возвращаемся, — император снял лисью шубу и накинул её на плечи Цзи Цинбая. — Завтра посмотрим.

Цзи Цинбай улыбнулся:

— Цветов слишком много, просто не увидеть все.

Тань Чжан взял его руку, слегка сжал, обернулся и сказал спокойно:

— Неважно, сколько времени, приходи смотреть каждый день, и в конце концов настанет время, когда увидишь все.

<http://bllate.org/book/15582/1387572>